

Яромир Лич



ОХОТНИК

ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ.

ДЕЛО О НЕВСКИХ РУСАЛКАХ

Яромир Лич

**Охотник Тайной канцелярии.
Дело о невских русалках**

«Автор»

2026

Лич Я.

Охотник Тайной канцелярии. Дело о невских русалках / Я. Лич —
«Автор», 2026

Альтернативный Санкт-Петербург конца XIX века. Город гранитных набережных, роскошных балов и... древней нечисти, которая научилась носить дорогие фраки. По закону Империи «навий люд» обязан скрывать свой облик, но когда в ледяной воде Невы начинают находить тела столичных аристократов без единой капли крови, становится ясно: кто-то объявил высшему свету войну. На парапетах набережных остаются следы речной тины, а свидетели уверяют, что перед смертью погибшие слышали чарующее женское пение со стороны воды. Дело поручают Родиону Назарову — самому циничному следователю Тайной канцелярии. В помощники ему достается молодой столичный патологоанатом Илья Левковский, который только что вернулся из жуткой командировки в Тверскую губернию и теперь знает о нечисти слишком много. Чтобы поймать убийцу, Назарову придется спуститься в самые грязные трущобы Обводного канала, заглянуть в закрытые оккультные салоны знати и заключить сделку с той, чье имя запрещено произносить вслух.

© Лич Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утопленник с Зимней канавки	5
Глава 2. Тайны Обводного канала	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Яромир Лич

Охотник Тайной канцелярии.

Дело о невских русалках

Глава 1. Утопленник с Зимней канавки

Октябрьский Санкт-Петербург задыхался в ледяной сырости. Серая невская вода лениво лизала гранитные парапеты, а густой, пахнувший дымом и речной гнилью туман выползал из подворотен, превращая величественные дворцы в зловещие призрачные силуэты. Ночные газовые фонари горели тускло, едва пробивая блёсую мглу.

Родион Назаров, коллежский ассессор и специальный порученец Особого отдела Тайной канцелярии, стоял у чугунной решетки Зимней канавки, глубоко засунув руки в карманы тяжелого драпового драгунского пальто. Он медленно жевал горький кончик потухшей папиросы, не отрывая сурового взгляда от того, что лежало у самой кромки воды.

У подножия гранитных ступеней, наполовину погрузившись в набегающие волны, покоилось тело мужчины. Судя по дороговому фракку, тончайшей шелковой сорочке и золотому перстню со срезанным изумрудом, покойник принадлежал к высшему свету. Лицо мертвеца было бледным, почти прозрачным в свете масляного фонаря, а застывшие открытые глаза смотрели в хмурое питерское небо с выражением немого, запредельного ужаса.

— Кем будет, Назаров? — раздался сзади сухой, деловой голос, заставивший Родиона обернуться.

По ступеням набережной, осторожно обходя склизкий речной ил, спускался молодой человек в безупречно сидящем пальто на лисьем меху. В руках он держал лакированный кожаный саквояж, а на его породистом лице застыло выражение глубокого профессионального интереса. Круглые очки в тонкой оправе тускло блеснули в полумраке.

— Граф Воронцов, Илья Андреевич, — Назаров сплюнул папиросу прямо в воду. — Наследник миллионов, завсегдатай столичных салонов и, судя по всему, новая головная боль для нашего ведомства. Вытаскивайте его, доктор. Жандармы боятся к нему прикасаться.

Илья Левковский, специальный медицинский эксперт канцелярии, присел на корточки перед трупом. За последние полгода, прошедшие после его возвращения из кошмарной командировки в Тверскую губернию, доктор Левковский сильно переменился. Его питерский скепсис и высокомерие улетучились, уступив место ледяной собранности человека, который точно знает: магия существует, и она смертельно опасна.

Левковский открыл саквояж, достал блестящие стальные инструменты и аккуратно поднял веко покойного графа. Затем нажал пальцами на его шею и грудную клетку.

— Удивительно, — прошептал доктор, и его пальцы на секунду дрогнули. — Внешних повреждений нет. Никаких следов борьбы, удушения или яда. Но посмотрите на кожу, Родион. Она сухая, как старый пергамент.

Доктор ловко полоснул скальпелем по сгибу локтя графа. Из надреза не вытекло ни единого прогона. Ткани были абсолютно сухими.

— В его теле нет ни капли крови, Назаров, — Левковский поднял голову, и в его глазах за стеклами очков отразился свет фонаря. — Полная эксгумация сосудистой системы. Причем проведена она была прижизненно и бесконечно быстро. Такое невозможно сделать медицинским путем в полевых условиях. Но это еще не всё.

Левковский надавил на бледные губы Воронцова, заставляя его рот приоткрыться. Из горла мертвеца на гранитные ступени лениво вывалился густой комок склизкой зелени.



— Что это? — Назаров присел рядом, поддевая массу носком сапога.

— Речной багульник и болотная тина, — глухо отзывался доктор, и его лицо сделалось бледнее, чем у покойника. — Его легкие забиты гнилой водой из глухих топей. Но Воронцов утонул не здесь. Этот мох... эта тина... я слишком хорошо знаю этот запах, Громов мне все уши им прожужжал перед отъездом. Это Исток, Назаров. Навья магия.

Назаров медленно поднялся, его рука легла на тяжелую рукоять револьвера, спрятанного под полами пальто. Барабан оружия был заряжен особыми патронами — со свинцовыми пулями, отлитыми вместе с освященным серебром Канцелярии.

— Значит, наши болотные гости решили перебраться в столицу, — Родион всмотрелся в темную, бурлящую глубину Зимней канавки.

Вдруг где-то далеко под Троицким мостом, перекрывая плеск волн и шум проезжающих по Невскому карет, раздался странный звук. Это было тонкое, невероятно чистое девичье пение. Мелодия без слов тянулась над водой, завораживая и заставляя разум Назарова на секунду подернуться мутной, сладкой дымкой. Медальон Тайной канцелярии на его груди мгновенно нагрелся, обжигая кожу сквозь рубаху и возвращая ясность мыслей.

— Слышите, доктор? — Назаров взвёл курок револьвера прямо в кармане пальто. — Похоже, убийца не успела далеко уплыть. Начинается наше первое петербургское дело.

Глава 2. Тайны Обводного канала

Обводный канал встретил сыщиков мертвечинным, удушливым запахом копоти, протухшей рыбы и гнилой воды. Если парадный Петербург сиял золотом куполов, то здесь, на окраине, город скалил зубы закопченными трубами кирпичных заводов и мрачными корпусами мануфактур. Туман в этих краях был густым, маслянистым от фабричного дыма. Он лип к лицу, оставляя на губах горький привкус сажи.

— Мерзкое место, — Левковский брезгливо поправил воротник своего дорогого пальто, стараясь не наступать в жирную раскисшую грязь. — Назаров, вы уверены, что нам нужно именно сюда? По закону от 1872 года, вся зарегистрированная нечисть уезда обязана селиться в границах Васильевского острова. Здесь им находиться запрещено.

— Законы пишутся на бумаге, доктор, а жизнь течет по сточным трубам, — хмуро отозвался Родион, уверенно шагая вдоль кирпичной стены огромной ткацкой фабрики. — Васильевский — для чистеньких навьев, которые платят подати и открывают лавки. А те, у кого вместо пальцев перепонки, а кожа пахнет болотным илом, прячутся здесь. Канцелярия закрывает на это глаза, пока они сидят тихо и чистят городские коллекторы. Но Воронцова убили не чистенькие.

Они свернули в глухой, тупиковый переулок и остановились перед приземистым доходным домом из темного, потрескавшегося кирпича. Окна нижнего яруса уходили наполовину в землю. Над перекошенной дверью висел ржавый масляный фонарь, тускло освещавший вывеску: «Ночлежка Сыча».

Назаров толкнул дверь сапогом. Внутри было сыро и темно. Единственным источником света была чугунная печурка-буржуйка, в которой трещали сырые дрова. На нарах, сколоченных из грубых досок, копошились человеческие силуэты. Но присмотревшись, Левковский с трудом сдержал рвотный позыв.

В углу, свернувшись калачиком, спала старая кикимора-прачка — её длинные, иссохшие руки были покрыты бледной чешуёй, а вместо волос на голове шевелился засохший речной мох. Чуть дальше двое водяных-лодочников, сбросив человеческие личины, лениво перебирали карты длинными, синеватыми пальцами с перепонками.

— Особый отдел. Всем оставаться на местах, — холодно произнес Назаров, расстегивая верхнюю пуговицу пальто и обнажая тяжелую кобуру револьвера.

Толпа на нарах испуганно зашевелилась, послышалось влажное, птичье шелканье и шипение. Из темноты за печью медленно поднялся хозяин ночлежки — старый водяной по кличке Сыч. В человеческом облике он выглядел как дряхлый, обрюзгший старик в засаленном кафтане, но его огромные, желтые глаза без век и неестественно широкий, беззубый рот выдавали его навью природу. От него разлило тинной так сильно, что Левковский невольно прижал к носу платок с ментолом.

— Чего надобно благородию? — прохрипел Сыч, угодливо сгибаясь, но бросая косые, злобные взгляды на серебряный медальон Назарова. — Подати уплачены, водяной сбор за октябрь старосте отдали. Мы закон чтим...

— Хватит петь, Сыч, не на озере, — Назаров подошел вплотную, тяжело опершись руками о грязный стол. — Графа Воронцова на Зимней канавке знаешь?

Водяной заметно вздрогнул. Его огромные желтые глаза бешено завертелись.

— Не ведаю, барин! Откуда нам, нищим навьям, знать графьев? Мы из Обводного ни ногой...

— Врет, — подал голос Левковский, внимательно наблюдая за реакцией существа. — При фибрилляции навьих желез от страха их кожа начинает выделять избыточный секрет. Посмотрите на его воротник, Назаров. Он буквально исходит болотной слизью.

Назаров молниеносно выхватил из-под пальто серебряный кортик и с силой вогнал его в деревянный стол в полудюйме от скрюченных пальцев Сыча. Водяной испуганно отпрянул, издав шипящий, утробный звук.



— Воронцова высушили до капли, Сыч, — тихо, но с леденящей угрозой сказал Назаров. — Легкие забиты багульником. Мои пули отлиты со святым серебром, ты же знаешь. Если я не получу имя до того, как догорит эта свеча, я лично заколочу окна твоей ночлежки, а вас всех спущу в стоки под Казанским собором. Кто пришел в город?

Старый водяной задрожал, его человеческая личина начала понемногу сползать, обнажая склизкую, зеленоватую кожу на щеках.

— Дикие... — едва слышно прошептал Сыч, испуганно оглядываясь на окна. — Дикие русалки с залива пришли, барин! С моря приплыли через шлюзы три ночи назад. Мы их не звали! Они злые, голодные... Их Хозяйка ведет, из высших навьев. Красивая, в шелках ходит, человежье имя носит. Она Воронцову за что-то мстила.

— Где их логово? — Назаров перехватил рукоять кортика.

— Не знаю, истинный крест, не знаю! — заскулил водяной, падая на колени. — Они в городские каналы уходят только по ночам, когда туман падает. Поют они, барин... Навья песня разум забирает. Не ходите за ними к Троицкому мосту, погубят!

Назаров медленно вытащил кортик из стола и убрал его в ножны. Он переглянулся с Левковским. Напарники понимали без слов: заговор аристократов и нечисти, который они расследовали, оказался куда глубже и опаснее, чем думало министерство. Русалки объявили Петербургу войну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.